смерти подставлен не просто сон, но анекдотический — пьяный — сон Петруши.

(Вообще говоря, анекдотизм в пределах темы неудачного подражания не чужд и самой сказке, а также мифу.⁷⁹ В одном из циклов афанасьевских сказок (№№ 397—399) шуты пытаются подражать товарищу, который плеткой «вылечил» свою мнимо умершую жену: «Шуты говорят: „Продай плетку!“ — „Купите“. — „Много ли возьмешь?“ — „Триста рублей“. Шуты отсчитали деньги, взяли плетку, ступай с ней в город; видят — везут богатого покойника, они кричат: „Стой!“ Остановились. „Мы оживим покойника!“ Раз стегнули плеткой — покойник не шевелится, в другой раз — тоже, в третий, четвертый, пятый — покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть...» Здесь пародийно отмечено вручение дарителем чудесного предмета (плетки). Характерно, однако, что если в мифе и сказке пародийную роль принимает на себя двойник центрального персонажа, близнец, подражатели, то в нашей повести сам главный персонаж совмещает в себе и героическое, и комическое начала).

В трагестийно-испытательном блоке начальной части «Капитанской дочки» контекст, в котором всплывают сказочные функции, «снижен». Да и антагонистический персонаж — Зурин — оказывается впоследствии фиктивным антагонистом. В действительности он — помощник героя; Зурин спасает Петрушу после его отъезда из пугачевского лагеря от верной расправы. Зурин, таким образом, дополнительный (поскольку есть и основной) помощник героя и вместе с тем его пародийный антагонист.

Но есть в пушкинской повести и пародийный помощник (одновременно — ложный вредитель). Это — Савельич. Намереваясь прекратить поединок со Швабриным, заслонить собой Гринева, он на самом деле лишь способствует ранению Петруши. Савельич пытается помешать Гриневу, когда тот дарит Вожатому заячий тулупчик, и тем самым ставит его перед лицом возможной смерти. Но, с другой стороны, именно Савельич спасает Гринева во время суда в Белогорской крепости. Этот персонаж амбивалентен, обслуживает сразу две противоположные темы: неуместного пособничества, «медвежьей услуги», и помощи с положительным исходом.

В иерархии помощников героя верхнюю ступень занимает Пугачев. Сцена первой встречи Гринева с Вожатым разворачивается по всем законам волшебной этики и эстетики, законам — уже не пародийного — предварительного испытания. Гринева выдерживает проверку со стороны Вожатого, сравнимого с чудесным помощником сказки, строго соблюдает правила конвенционального поведения (одаривает Пугачева тулупчиком) и за свои услуги с помощью Пугачева берет верх над истинным антагонистом (Швабриным), добывая невесту.⁸⁰ «Я помиловал тебя, — говорит Пугачев, — за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда

⁷⁹ См. об этом: Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки, стр. 10 и след.

⁸⁰ Существует пермская сказка («Лешок»), в которой дьявол облагодетельствовал крестьянина за то, что тот спас его от стужи, подарив теплую одежду. Сравнивая эту сказку с «Капитанской дочкой», Шкловский резюмирует: «Источником оказалась не очень распространенная сказка, а переосмысленный документ (имеется в виду «Реестр Буткевича», — И. С.); функция героя в произведении потребовала иного материала» («Тетива», стр. 222). Здесь контаминированы две проблемы. Первая — конкретный источник, которым пользовался Пушкин. Безусловно, Шкловский прав, это — не пермская сказка, а исторический документ. Вторая — изменилась или же осталась неизменной функция героя «Капитанской дочки» по сравнению с волшебной сказкой? Нет, она не изменилась. Структура сюжетного действия осталась прежней. Новыми оказываются лишь мотивировки на уровне вторичного кода.